

Александр Петрушкин

ТЕТРАДИ 2013 ГОДА

Александр Петрушкин Тетради 2013 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30477217

ISBN 9785449055101

Аннотация

Книга включает в себя все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2013 году. Книга представляет собой часть поэтического проекта «Тетради», включающего в себя стихотворения, записанные с 2000 года по настоящий момент.

Содержание

10 вариантов письма Екатерине Симоновой	5
Деревянный вертолет	15
Собачья голова	17
10 вариантов письма Даниле Давыдову	18
«И вот, придумав, что любим...»	25
«На птичьем рынке – торфяной язык ...»	27
«Пыль протирает человека...»	28
«Сминая бумажную воду...»	30
В роддоме	31
«Не раньше, чем начнётся смерть...»	32
Огород	34
«И вот ещё, ещё немного – и начинается потоп...»	36
Сорок семь	37
«О, муравьиный снег, на гипсовом январском...»	39
Колчак	41
«Как хорошо в провинции провинций!..»	43
«Переспелое небо, как тыблоко, ляжет к ногам...»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тетради 2013 года

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5510-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

10 вариантов письма Екатерине Симоновой

1 ВАРИАНТ

вот уже, катя, пошёл лесом, пятый – считай: не срок —
ёбанный стыд – оказалось: совсем не пророк —
оказалось: что стыд [не виден] писать стихи
больше ни слова, Катя, и ни с какой строки
вот уже, катя, ни слов, ни концов, ни хрена
выйдешь в тагильский воздух – читай: полна
как снigiри отглагольная в дур страна
был бы туренко да вышел —
теперь слюна

вот уже сложен в три четверти мой анекдот
поговоришь – погоришь как мутант и урод
всё что останется в памяти женское ИТК
лишь стрекоза умеет сказать пока
правильно – видишь как птица с женским лицом
клюёт мал-помалу тень
всё что сгорает до речи
моя мигрень
вот уже, катя, в пизду вылетает вдох
[идёт в киоск за слюнявчиком бывший пророк]

2 ВАРИАНТ

есть вариант письма что утерян шифр
[шрифт monotype corsiv или бетина скрипт]
то что доступно в пепле – кровь и вода
и говоришь, как лапоть – чтоб не сказать лепота
есть варианты молчания – например
проговориться чтоб умолчать вдвойне
птицы летают юзом чтоб избежать судьбы
в общем любое письмо – разбивает лбы
и изо лба вылезает страшенький человек
гладь же по шерсти его как недолгий век
можно растить свой сад что сгорит как транс
что пиздоболить будто болит как недобрый Хармс

вот и еще один вариант: говори, говори
горловым пальчиком перебирай шрифты
спрячем письмо, завернём в немоту, как свет —
только лишь тень понимает, что собеседника нет.

3 ВАРИАНТ

только форель выгорает до февраля
все ли элегии успели покой раскатать
жарит и жарит бабулька рыбный пирог
наступает февраль особенный для недотрог
вот [веришь?] не помню есть ли в Тагилах трамвай
жарит бабульку рыбный пирог – давай
договоримся что ездит такой кривой

по вашей вокзальной каменной и мостовой
только февраль догорает как будто форель
бабулька с поджаренной корочкой поскорей
пытается выйти [в смысле залезть под смерть]
одного и скучно наверное там [ну почти как здесь]
что-то лепечет старуха своей жеребьячей губой
жарит и жарит в рыбёшке над головой
и как форель понимает что нет ни добра и зла
от пирога остаётся укроп и зола
только стоим с двух сторон уральских и до седин
чуем что время в трамвае трещит словно рыбный дым
жарит и жарит бабулька рыбный пирог
радостная [как трамваи] что вышел дух и неплох

4 ВАРИАНТ

разве что только больнейший придурок писать
помнит ещё ручную способность и можно заплакать
слёзы собрать как росы и надо жить
если случилось ждать – благодать и жалко

больного меня и тебя – под которой тьмы
как аниме сбываются и жасмины
все состоят [и стоят] из воды [среди воды]

спросишь у Лены, но и она не ответит
разве что только больная [сиречь своя]
ластится как грудная простая малость —
мы остаёмся одни в середине себя

чувствуя что и Урала уже не осталось

разве что так придурошна наша речь
что непонятно кому зацветают жасмины
спросишь у Лены или других Елен
тронутой речью [той что другие забыли]

только вода [спросоня свернувшись в кровь]
не разберётся в гомерах-гомершах местных
и наслепую плачет по нам тройне
[что и больным и придурошным чем-то лестно]

5 ВАРИАНТ

Войным-война здесь, Катя, непогода
по воздуху вползает запах йода
по тростнику китайскому – порода
решает всё за нас, как за удода
(о!) этот запах кухонный, пернатый,
что отстаёт от до-стихов – как даты
скажи ещё кому-то: «запах йода...» —
и морщится [в нутро своё] природа.
О, этот воздух (йэ!) катеринбургский:
волной идут кретины на этрусков —
во их главе Улисс [почти] маячит —
он наблатыканный ХИММАШ переиначит.
Здесь, на резиновых деревьях, спят наречья —
как дым до дыр самим себе переча,
И запах спирта въёт в песочницах гнездо,

растягивая жизнь до самой ДО.
Храни, мой дым [почти что папиросный],
царапины [а вовсе не вопросы]
в коленках, сорванных когда войным-война
была ещё весома и больна —
о, белый запах меж пустопорожних —
нас обучил быть-лечь неосторожный
[всё больше в горло] [больше горлом] йод
из чернозёма как трава рот в рот

6 ВАРИАНТ

да хули жопу рвать, брат Боратынский,
от муравьиной кислоты поэтов
в России тускло в Ницце как-то лживо
ну разве только почитать Цветкова

дать по еблу и пёхом в небо пёхом
по этому всеместному Тагилу —
как там его... а! вот... не надо Бога,
с которым мы посмертно как-то жили

да хули – смерть в районе в (л) агзавода
Сиреневое нёбо отпускает
на все [четыре всадника у входа
железного тоскуют вместе с нами]

не вспоминай ни Питер ни Кыштымы
под почвую шевелятся как Гоголь

живые тени гопоты – все живы
дать по еблу стихам и пёхом-пёхом

7 ВАРИАНТ

Не понимаю нашей поздней речи,
чирика-чика в мехе рукавов,
трещащего иголкой в нервном смехе,
как тик, забывших нас учеников.

Так пусто в доме, что гудит конфорка,
как стая, растревоженных тьмой, пчёл
прищурится, приняв обличье волка
и мех словесный, словно кофта жолт.

Не понимая всякой связной речи —
склоняется к нам и целует в лоб
холодный ангел и из голенища
лёд чаячный за шиворот кладёт.

Так пусто в этом доме, что за светом
пора вещам звериным говорить
и собираются вокруг не (много) незнакомых,
Чтоб на троих мою же смерть распить,

и разминают меж ладоней птицу,
трещащую на нитке из любви
и пишем мы, себя не понимая, литера-
дуру разделив на три.

8 ВАРИАНТ

Небо над плодами тяжелеет,
наливается снегами и людьми.

Ничего ему, пойми, не надо
ни печали нашей, ни любви,

ни тоски по зябнувшей культуре,
ни Улисса Джойсу поперёк —
вот снегирь сосок заката клюнет,
наберёт дыханья полный рот,

окунётся с головой в сугробы
после чёрной бани – из лобка
небо над плодами тяжко зреет,
катится по краю коробка

спичечной земли, покрытой серой,
зажигающей всем птенчикам хвосты,
и дымок, как память черно-серый,
согревает снег со всей земли.

Небо, уроняющее семя,
поднимает руки до плодов,
отпускает в снег с людьми, на время
зарываясь в них, как в грядки, крот.

9 ВАРИАНТ

Сидит обманкой в поплавке
кузнечик нашей бытовухи —
поклёвка ходит налегке
и лижет спирту руки,

и рыбы светят из-под вод
мохнатым светом глаза,
везут стихи во мгле подвод
живых три водолаза,

сидят в прозрачной немоте
в каком-нибудь Тагиле,
ладонью водят по воде
в неслышимом здесь стиле

в услышимом и там и здесь
кузнечике пропадаем.
Сидит обманкой в поплавке,
что умирать не страшно,

что если бог какой-то есть —
то снег к Тагилу жмётся
(от холода его слепой)
в собачьи стаи бьётся.

Там – говорящий поплавок
меня обманкой лечит:
чем ближе смерть – плотнее бог,

чем наст – прозрачной речи

10 ВАРИАНТ

Скрипящая пружина слепоты
вытягивает светом из нутра
животного февральской густоты
замеса воздух – будто здесь гора
все семечки подсолнечные жмёт
в ладони додекретной темноты
у масляного временного рта —
открытые для неба так пусты.

Я выучил уральский разговор
татарских веток, бьющихся в окно,
скрипит пружина воздуха внутри
озона. Начинается озноб —
так начинает смерть с тобою жить,
и разливает по бутылкам свет,
и кормит жизнь свою по выдоху с руки,
и зашивает снег сугробам в лоб.
Иди же, мальчик, звуком поищи
невнятный выход ангелу отсель —
на лисьей горке плавают лещи,
сверяя скрип дочеловечьих тел.
иди же, мальчик, гендером иди,
свистящим переносом словаря
почти что птичьего, его почав, почти
внутри гнездовья своего горя,

по воздуху за богом приходи,
и жуй косноязычие его —
кому понятны ангелы твои,
в февральском масле вяленые врозь?
кому понятно, что мы говорим —
разбитые на биографий лёд?
Свет переполнил сумерки свои,
чтоб боже правый смог усесть наш рот.

ПОСТКРИПТУМ 11 ВАРИАНТА ПИСЬМА

василь иваныч и чапаев
плывёт по каменной реке
стрекочет как кузнечик в юбке
рябой Максимка вдалеке

над белозубыми камнями
что вспомнишь: катя – и не спит
василь иваныч в птичьей пасти
как не умеет говорит

(2013, январь – 6 февраль)

Деревянный вертолет

взаимно тихо говорит
из досок сбитая зима:
ты не умрёшь с тоски [с тоски
не сходят] не взойдя с ума
и всходы у дурных времён
как входы в торфяные мглы
открыты пальцами собак
пещерных – до земли голы

и деревянный вертолёт
бормочет дым из глубины
горит по тихому как лёд
из нефтяного дна воды
но не взаимны голоса
из досок сбитая зима
выгуливает смерть свою
и лает будто снег в санях

ей деревянный вертолёт
летающий от зимы на свет
потрескавшимся языком
кровавый слизывает след
с лопаты лижет свой язык
как пёс дурея от крови

до крови [разодрав живот
земной у жестяной воды]

(2013)

Собачья голова

волен Гулливер в собаке
что собака в Гулливере
в суеде и вере едут
в некоем прощальном сквере

а обратно едут люди
как растения обвиты
мрамором и снежной крошкой
поигрушечно убиты

сшиты Гулливер с собакой
и собака с головою
тень проходит между ножниц
сизым веком на куски

камень ножницы водице
шьют и гроб и рукавицы
набирают в тень собаки
гулливеровой тоски

(2013)

10 вариантов письма Даниле Давыдову

1 ВАРИАНТ

Без боли головной,
без мёртвых комиссаров
стоит звезда в глазах
у площади вокзалов,

распивших на троих
распиленных прохожих:
[один наверняка
был на тебя похожим],

второй держал портвейн
под вялой желтой кожей
[переносил октябрь
на несколько попозже],

без боли головной
был третий с голодухи
и всё гудел в Казань.
Прикусывая руки,

косноязык мороз

[и варится в испуге
воробушек, во тьмах
какой-нибудь Калуги

он затолкает в рот
приезжим комиссарам
прыщавый – как народ —
словарь покрытый салом,

он выпьет тёплый жир
на площади вокзалов].
Уже почти не жив
[подумать – так не мало!]

садись в вагон-вокзал,
в базар в Челябину чурный,
и слушай, как таджик
перевирает чудный,

нам данный, чтобы врать
и русский привокзальный —
без мертвяков аглицких
и боли комиссарной.

2 ВАРИАНТ

Такая осень на Меридиане
в крошечном Че за ангела сидит
в сугробе [с пьяной рожей и часами],

с химическим заводом говорит,

внутри себя имея дуру речи,
внутри которой чешет колобок,
читающий Платона – тает-тает,
таит алкоголизм, зашитый в бок,

сверчит [покрытый кожей и хитином]
меридиана ангел и подлец,
чтоб жизнь тебе не показалась длинной
и приключилась всё же под конец.

О, людоед [под тканью голубиной]
с пластмассовым стаканчиком в глоток,
и ножичком в ладонях перочинных,
порежется лишайником на чпок.

Такая осень на меридиане —
что нечего и незачем писать.
В сугробе пьяном – с рожей и часами —
о бабе думать – с филогиней спать

с химическим ожогом в селезёнке.
С кромешной тьмою переезжий Че,
храня с Урала бабу под пилоткой,
следит, как едешь ты вообще, вообще.

3 ВАРИАНТ

В одиннадцать часов утра
темно на этом свете,
что означает, что на том
москва – в поту и смерти,
с таджикской немощью во рту,
с водой мордовской в коже,
и как бы ей уральский стыд
в отместку осторожен.

В одиннадцать часов косых,
летящих вертикально,
к которым ты почти привык,
с линейкой пятибалльной
к тебе подходит вялый бог,
и гипсовой рукою
подписывает эпилог.
Свободою такую

пока спускаемся в Аид
и пишем – прицепные,
и непохожие стихи едят
Урал с Москвою —
пока в одиннадцать утра
темно от разговора,
гуляет слева от утрат
ментяра стоголовый.

Гуляет стыд и режет срам
свои, как масло, ноги

почти прозрачным существам,
стоящим на пороге,
когда в одиннадцать утра
светло, и гул проносит
нелепых, как птенцов, в губах
и воды дворник косит.

4 ВАРИАНТ

Февраль синицу подметает,
и в форточку её глядит,
и ничего не понимает —
хотя на воздухе горчит.
И Иванов, нелепый Коля,
обросший перьями в анфас,
читает Одена для Оли,
и немец хлещет «was ist das».

Повсюду Квантум и Перфектум,
школяр немого перевода,
февраль, блуждающий вдоль стенки,
как поиск повода и входа
для сущих пустяков синичьих,
чьи коготки на глине стёрты
повсюду ласковость купчины
и дым упоротый, как чёрт, и

стоящий посредине мессы,
которой лишь язык наш стоит,

февраль синицу вынимает
на словаре, который воет,
февраль заглядывая в это
синичье отражение снега
пытается впихнуть ей в горло
за всё [особенно за лето].

И я смотрю на огород свой,
в котором птица оживает —

в окошко метеор летит
чтобы прибиться к местных стае.

5 ВАРИАНТ

Всё начинается глупостью, чтобы остыть:
дым и черешня, кажимый проколотый стыд —
Шарик, летящий навывлет себя, напролёт
ночи повдольно, земле же всегда поперёк
как стрекоза, и прозрачные с нёба [глядят]
ангелы тырят игрушки [из сора] махорку смолят.

Вот деревянный, как хвост вертолёта, спит Бог,
чинит во сне сапоги, и заборы тачает в берёзовый сок.
Шарик царапает волка, и Шарик жужжит,
падает в горло, чтоб косточку там размозжить —
так скувыркнутся светила и встанет дыра
посередине у слова, грозя и гремя

пачкою банок, приклеенной богу во рту,
едет во фраке из дыр в этот сырный Тарту,
голубоглазый, будто открытка в конце декабря,
шарик-дружок, алфавит, будто дым, проредя.
Пашет мужик, будто пчёлы попали в косу —
носит Ж ангел в отверстии лобном осу.

Все начинается, мается милой хуйнёй —
иже уральской [из камня сочимой] слюной
чинишь инструкцию по размозжению дыр
в валенке ангела смысла – прекрасен наш пир!
Смотришь: сентябрь стоит посредине щенка,
светится будто Рентген, все слова отмоля.

«И вот, придумав, что любим...»

Фёдор Увицкому

И вот, придумав, что любим
на свете тот, что богнебог —
горит на кровавом огне
трамвай печальный без стихов:

без рельсов заезжает он
в дома, где нет ни этажей,
ни жителей, и бьётся кровь
стеклянных голубых стрижей.

Светлеет в крове – богнебог
претерпевает, что простим,
и ощущает здесь подлог —
когда не рай, а всё же лимб,

когда трамвай порожний спит,
прильнувши краешку окна,
когда с той стороны земли
ушедший смотрит на меня,

с той стороны реки, с воды
сдувая свежей почвы вдох —

приходит дно, приходит сын
и срамно богу, что – не бог.

(05/03/2013)

«На птичьем рынке – торфяной язык ...»

Евгении Извариной

На птичьем рынке – торфяной язык —
читавший арамейски – разумеет:
поди налево, если не убит,
поди направо – видишь: там светлеет.

На каждый полумёртвый светофор,
на всякий крестоцветный – без базара,
как птица в клетке, по карманам вор:
он кормится – прости – ему так надо.

Исполнив эту глиняную печь
и перечни свои опустошивши —
поищешь свет, а он – ни там, ни здесь,
как зёма, из-под почвы тихо свищет.

(23/03/2013)

«Пыль протирает человека...»

Пыль протирает человека,
приподымает ему веко,
чихает на, чихает в

[как будто он её забыл],
стирает слюни до зрачка,
в котором свет до нагиша

ещё одет и неотвечен,
отдарен, словом изувечен,
как глина, смятая до ша.

Пыль замечает как на веко
садутся к ней два человека
[почти что], лёжа и дрожа,

чихают марту в два стрижа,
как нео-правданное слово
условно падая по склону,

деревеня в два ствола.
Пыль протирает человека
до аверса – а смерти нету,

но падаешь, её нажав.

(05/03/2013)

«Сминая бумажную воду...»

Сминая бумажную воду
Не дышит свинцовый карась
Идёт с той [почти по богу]
по воздуху вверх накренься

он жабры свои не шнурует,
шифрует под речь чёрный ил
и если дорвётся до суши
то верно поймёт, что он был,

сминая, царапая оду,
глазея в чудовищный страх,
что с точностью неба не спорят
в бумажных и рваных потьмах.

(23/03/2013)

В роддоме

не бывает воды крепче
чем в начале от родясь
щиплет как цепной клевещет
головой резною в грязь

головою голой в воды
ничего не износить
разведя как купоросный
свет на две слепых руки

и ослепший он не может
не умеет дна просить
свет себя на темя крошит
как в заливы рыбаки

(24/03/2013)

«Не раньше, чем начнётся смерть...»

Сергею Арешину

Не раньше, чем начнётся смерть,
жующая свой хлеб беззубый,

не раньше, чем меня и впредь
не встретит мент, и не разбудит,
не вложит камень мне в глаза,
а в губы – гул пчелиный долгий,
я буду слышать голоса
тех, отъезжающих на лодке,
тех, уезжающих вперед,
сбросавших вещи в саквояжи
поспешно в свалку, как щенков,
так словно не успеть им страшно
на этот длинный пароход
и не имеющий причала,
где б чайка, проверяя рот
б/у-шный, отвердев кричала
невнятно требуя избы,
сирени, от мороза ломкой,
и замороженных глубин,
или хотя бы потной шконки,

всплывут горящие гробы,
и станет мне тепло на лодке
перегибающей в обрыв,
где от встречающих так громко.
(24/03/2013)

Огород

Прозрачное дыхание весны
перебирает седину земную

[ещё не время – даже не зима —
а щель и скрип – которых, как иную

взыскует недоталая земля,
как бы в отместку месту существуя,
как бы вообще ничто не говоря,
благодаря за всё, за всё – люблю

пернатую лягушку подо льдом,
закрывшим рот, глазницу – как ладонью
её печёный, утренний, как вдох,
ещё замёрзший голос под водою].

Стучит вода по тополям, стучит,
переходя себя напропалую,
лепечет, как мальчишка, и молчит,
как щель и скрип, в который как в иную

калитку смотрит, даже не губя,
строгая для лягушек этих луки,
и падает землёй, узнав себя

сквозь тополя порубленные руки.

(08/04/2013)

«И вот ещё, ещё немного – и начинается потоп...»

И вот ещё, ещё немного – и начинается потоп,
сминая выдох у порога, чтоб спрятать в травяной носок,
в полынной кости распрямляя [ещё не пойманную] речь
[нагретой до кипенья] почвы, чтобы удобней было лечь.
Так опадают воды... воды... как выдохи и пузырьки,
и люди дышат словно овцы, дойдя до ледяной реки,

и с ними дышит, улыбаясь, как старость женщины,
звезда,

ломаясь в темном отраженье на: да – и да – конечно, да —
ещё, ещё её немного поддержишь, выпустив с руки,
а люди дышат, словно овцы с той глубины одной реки,
сминая выдох у порога, в полынной кости копят тьму,
чтоб говорить немного боле немногим меньше одному.

(09/06/2013)

Сорок семь

Д.М.

вот 47 бегут на перерыв
как будто устремленные в прорыв
качели в одну сторону летят
и сорок семь ребят на них сидят
жуют свои крапиву и гудрон

и говорят как дым не он не он
и пробуя на вкус соседа спят
пока качели в сторону летят
в прозрачных вёдрах сонная зима
а в рукавицах вша на всех одна

вот сорок семь их вдов хлебают суп
и ждут когда их всё-таки спасут
на коромыслах снег в пар расклевав
(уткнувшись в Смолино) в пшено
не знаю как

но начинается этот разговор
как видно бог который здесь не бог
вот сорок семь прижатые к стене
летят в качелях видят все оне

как будто в пахе их раскрылась щель

и чудо-юдо мёртвое вполне
влетает с неким парнем за бухлом
и говорит о том что ни причём
тесёмки теребит чернея как скворец
и падает свершившись наконец

вот сорок баб качают здесь детей
и семеро отцов качают смерть
она как клюква в уголках у ртов
стоит скроённая на вырост из зубов
вот сорок семь летят на полдень мск

у каждого в руке планшет и страх
и тварь-качель летит во тьме и тьма
вдруг понимает что она – одна
что сорок семь покинули её
и страшно ей что нет в ней никого

(10/06/2013)

«О, муравьиный снег, на гипсовом январском...»

О, муравьиный снег, на гипсовом январском,
застывший снеговик, в наречии баварском
из сумерек Европы, блуждающей в арабах,
пора пере-
одеться и наблюдать в хиджабах
[крутящихся во сне иногородней речи,
к зиме оживших] пчёл, садящихся на плечи.

О, насекомый быт – холодный – переживших
свой временный язык, приют по кичам ищет,
свистит в свою дыру, суёт как в небо пальчик,
сходящий, как в ак-
бар, с ума ведомый, мальчик —
стоящий под дождём в клубящемся Париже
шевелит мёртвой жаброй. Мизинец неба лижет

метель, всю тьму метель в корявом переводе,
зашитая, как зверь, в крылатые подводы.

О, муравьиный свет в подземном переходе,
шатается анчар [от алкоголя вроде] —
переодетый бог взирает на кончину
[наверное, свою] и смерть прекрасно-длинна.

(03/07/13)

Колчак

*У юной Росы Камборьо
Клинком отрублены груди,
Они на отчем пороге
Стоят на бронзовом блюде.
Ф. Г. Лорка*

Соски срезая ржавую метлой,
стоит у входа с неба часовой —
он машет медленной [как будто бы кино]
рукой кленовой этим за спиной.

Приветствует [не то чтоб вялый Омск]
входящих и ведущих в эту ось
полуслепых [двудённых, как котят]
и в свой живот кладёт их, в ровный ряд

на блюдо под палёною корой.
Ещё [как будто даже молодой]
один из мертвецов, как водомерка
суёт наружу руки – типа, мелко.

Метла проходит [вся в бушлате черном]
и слышит сиплый говор в коридорном
наречии фанерной коммуналки,
и покрывается испариной [здесь жалко

становится по-лагерному]. Чёткий
поветочный досмотр ведёт дозорный
и каркает из тёмного бушлата,
и публика [немного виновато]

расходится к кругам сосков молочных
моей жены – кровавой и непрочной,
и плёнка рвётся [как в кино – два раза],
зрачки срезая с глаз [как бы проказа].

(10/0713)

«Как хорошо в провинции провинций!..»

Как хорошо в провинции провинций!
Где дым заранее заложен в наши лица —
три рта плывут чеширские к забору
свинцовому, как небо. Разговору

здесь не начаться, потому что нечем
нам прорастить его. По местной речи:
башкиры – это местные индейцы,
рекущие со дна – как бы ахейцы.

Их бог исправен – высохший до сосен —
передаёт заветы пароходу,
одноколейке (разве только Север
отсутствует везде [мы в это верим]).

Как хорошо под небом – без печали
молчать. Не веря, тишине. Не в праве.
Лежать потопу поперёк – сквозь зубы,
читать усы чеширские, и губы

чесать шершавым местным безъязычем,
портвейном трёхтопорным на свету.
и если в тьме лишь светятся отличья

то по-чеширски точно я живу.

(12/07/13)

«Переспелое небо, как тыблоко, ляжет к ногам...»

Переспелое небо, как тыблоко, ляжет к ногам,
зашуршит, как незрячий щенок, что разыскивал соску
материнскую в темной коробке – перетряхивал хлам
и ходил меж прозрачных вещей, и поскрипывал в досках.

Начинается утро – точнее: отъезд – он – патлат,
скособочен, как дом – за которым весь год не ходили,
и вода прекращается – словом течёт по губам,
и речёт пескарём, зарывшимся как поплавок,
в белом иле.

Переспелое небо. Сколоченный наспех сентябрь.
Даже в камне [легко и надёжно упрятанный] воздух
разливается по полу, словно стакан молока,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.